



Мария Беркович

нестрашный мир

Мария Борисовна Беркович
Нестрашный мир
Серия «Любовь изгоняет страх»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6544281

Нестрашный мир [Электронный ресурс] / Мария Беркович; [вступ. ст.

Л. Аркус]. – 2-е изд. (ал.): Теревинф; Москва; 2014

ISBN 978-5-4212-0305-6

Аннотация

Эта книга – дебют молодого писателя Марии Беркович – документальное повествование в письмах, дневниках и рассказах. Её герои – дети с нарушениями развития, их родители, волонтеры и педагоги, работники детских домов. Её предмет – методы помощи, способы взаимодействия с другими, особыми, детьми. Её сюжет – любовь как мера вещей.

Для широкого круга читателей.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| О Маше Беркович | 5 |
| Кабинет французского | 9 |
| Письма с Онеги | 15 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 94 |

Мария Борисовна Беркович

Нестрашный мир

Фотография Марии Беркович на обложке, фотографии в книге – Александр Гейзенцевей

Фотографии Антона на с. 181, 205 – Светлана Щагина

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)».

О Маше Беркович

предисловие к изданию 2009 года

Маше 24 года. Впрочем, этот факт решительно ничего не объясняет в Маше, так как является чистейшей условностью – она кажется то подростком, то человеком, прожившим огромную жизнь, наполненную подробными трудами, ежедневными преодолениями, неустанным добыванием смыслов и неустанной же проверкой их на прочность.

Маша – дефектолог. Педагог, психолог, нянька для детей и выросших детей, у которых – аутизм, умственная отсталость, слепоглухота, множественные нарушения развития. Маша – частный репетитор у тех, кто живет в своих квартирах со своими родителями. Маша – волонтер в детском доме для тех, от кого родители отказались. Маша – автор рабочих записей, дневников, писем к друзьям, которые, по сути, те же рабочие записи. Собранные под одной обложкой, они перед вами.

Это – факты.

А вот моя версия.

Маша – воин, эльф, подвижник, философ, поэт, дочь смотрителя маяка, Малыш и Карлсон в одном лице.

Маленькая, короткостриженная девочка в длинном черном пальто с непомерно большим для её роста рюкзаком за плечами. Там, в рюкзаке, среди многих, самых неожиданных предметов, необходимых для занятий с её подопечными, – флейта. Маша умеет на ней играть. С рюкзаком она наматывает километры по питерским окраинам, через промзоны и спальные пчелиные соты – по частным урокам. С рюкзаком она курсирует из города N (дальний пригород большого города) в большой город, чтобы от всеми отверженных перейти к отверженным не всеми, – к тем, кого все-таки любят, хотя бы и только родители.

Маша, конечно же, не из века нынешнего. Это становится понятно с первого взгляда. И по внешнему её облику (то ли мальчик Возрождения, то ли юная сестра милосердия призыва 1914 года). И по тихой, внятной, чистейшей русской речи с округлыми интонациями, идеальными согласованиями, точнейшей пропорцией назывных, вопросительных, восклицательных предложений, органичным преобладанием сослагательного наклонения над прочими и полнейшим отсутствием наклонения повелительного. Речи, в которой нет даже сиюминутных проскоков современного новояза или слов-паразитов, или попросту случайных слов. Так она говорит, и так она живет, и так она пишет – убедитесь сами, дорогие читатели, открывшие эту чрезвычайно важную для всех нас книжку.

Маша родом из какого-то такого времени, когда ещё не была провозглашена ни смерть Бога, ни смерть Романа, ни крушение гуманизма, ни торжество постмодернизма. И, тем не менее, будучи из этого своего, неведомого, времени, она, в общем, в курсе, что были Освенцим, и Холокост, и ГУЛАГ. Она знает это подробно и доподлинно (она вообще много знает) – а вопрос о том, возможно ли после этого искусство, для нее решен – вернее сказать, что для нее и нет такого вопроса. Искусство – возможно, потому что необходимо. Оно не спрашивает, оно возникает само по себе, неподвластное ни запретам, ни долженствованиям.

В частности, книжки возникают потому, что есть мысль, есть речь, есть вопросы, которые требуют ответа и опровержения этого ответа, а потом опровержения опровергнутого опровержения... И даже если ничего этого нет – ни мысли, ни вопроса, ни речи, ни опровержений – есть трава, песок, деревья, ложка, окно, свеча, будильник, имя, звуки, шорохи, время суток... И они как-то складываются друг с другом, или есть острая потребность сложить их как-то, связать между собой – книжка, которая перед вами, и об этом тоже.

В Маше есть простота, которая уже после всех хитросплетенных конфликтов и сложных человеческих рефлексий на все вышеупомянутые вопросы. В Маше есть та серьезность и тот непафосный пафос, которые уже сдали все зачеты по иронии и скепсису и, получив за них отличные отметки, вы-

бросили их за полнейшей ненадобностью.

Маша написала книгу не о профессии. Она написала книгу о любви. О той самой, которая уже ответила на все вопросы, отменила все ответы и прошла все смерти, смертию смерть поправ. Потому что, как мы знаем из одной, самой главной, книги, это единственный выход. К свету.

Любовь Аркус

Кабинет французского

Автор выражает свою глубокую признательность близким, друзьям, коллегам и учителям, но особенно людям, без которых эта книга была бы невозможна:

*моим бабушкам
Галине Майзелис и Нине Катерли,
маме Елене Эфрос,
хранителю Александру Гейзенцвею,
моим друзьям и коллегам
Тане и Сабине,
учителям Нине Старосельской,
Марии Дименштейн, Марианне Майер,
Ирине Карвасарской,
Александре Черкасской, Ците Келлер,
Елене Микишиной и Алле Тымкив,
первому издателю этой книги
Любови Аркус,
друзьям и адресатам моих писем
Льву Гондельману
и Екатерине Шипилёвой.*

Начало этой истории находится между началом конца детства и его окончательным концом.

Может быть, всё началось рано, в мои тринадцать и три четверти, или ещё раньше – в мои тринадцать с половиной, или с того, как тётя Надя продала дачу в Зеленогорске, Тор-

фьяная улица, а номер дома – удивительно! – но сейчас оказалось, что я его не помню. Может быть, даже еще раньше, в начале августа 1998 года. Это был очень трудный август. Тогда мы с дедушкой Мишей и Никифором (домашнее прозвище моей бабушки) уехали за тысячу километров от нашей дачи в Зеленогорске и жили в доме, который стоял в сосновом лесу. Я помню запах прошлогодней сырости в комнатах и вкус масла, полежавшего на открытой тарелке в холодильнике.

В это лето я вдруг поняла, что время идёт очень быстро, не успеешь оглянуться, как мама постареет и умрёт, и я сама постарею и никогда больше не поеду в лагерь в Финляндии, и дачу нашу снесут – дача была для меня тем же, что счастье. Так плохо, как тогда, мне никогда в жизни не было (а мне плохо бывает очень редко). Я лежала на верхнем этаже домика, вертела в руках старый том Гайдара с повестью «Судьба барабанщика» и плакала. Я бродила по сосновому лесу и сочиняла какие-то глупые пьесы в стихах. Плакала и просила Бога, чтобы всё это поскорее кончилось. В самом деле, стало полегче.

Когда я приехала в город, оказалось, что тётя Надя продала дачу.

Про Зеленогорск я, наверное, не буду рассказывать. У каждого есть такой Зеленогорск. Не перечислять же: вокзал, заброшенная больница, лес, дорога на залив, крыша сарая, финские поезда, ты ждёшь маму в начале улицы, коробка

для ложек и вилок, полосатая ваза. Это моё, это скажет мне всё, это сокровища, равных которым нет. Если бы я могла просто налить своё детство в чашку и дать выпить тем, кого люблю.

Любовь для меня начинается там, где соприкасаются два детства. Даже если о детстве не сказано между нами ни слова.

Любовь – я вспоминаю ночь накануне переезда на дачу, когда не можешь заснуть. Лежишь и смотришь, как на занавесках качаются тени деревьев. Окно приоткрыто. Кислова-то пахнет такими маленькими желтыми букетиками, которыми усыпаны тротуары в начале июня. Вскокиваешь и идёшь босиком на кухню. Бабушка, конечно, не спит, читает. Капает мне в рюмку пятнадцать капель корвалола.

Тётя Надя продала дачу.

С этого момента детство стало кончаться с невероятной скоростью.

Не стало детского, привычного, знакомого до последней трещинки счастья. Начиналось что-то неведомое и страшное.

Мы вернулись в город, и я плакала ещё день или два, пока мама не спросила меня, что случилось. Я сказала. Тогда мама объяснила, что бояться нечего. Время действительно идёт очень быстро, и мы действительно рано или поздно умрём. Вот тут-то и начнётся всё самое интересное. Поэтому можно думать о старении и смерти без страха, а с любопытством:

такая большая и быстрая река – интересно, куда она принесёт меня?

Я сидела одна за партой и рисовала истории про то, как Эа, Омесса и Онарис отправились в путешествие за Синим Камнем. Герои рисовались быстрыми росчерками, схематично, они постепенно обретали признаки, имена. Откуда, как они появились в моём воображении, я не знаю. Мир строился и рисовался на стенах нашей комнаты в Апраксином переулке. На ободранных обоях танцевали чёрные фигуры, одна будто наклонилась, чтобы что-то поднять, другая держала в вытянутой руке свечу. Под потолком я написала имена своих героев: Анемон, Эа, Омесса, Онарис, Повелитель Ветров, Повелитель Оленей.

Был ТЮТ – театр юношеского творчества. Я любила его. Близких друзей, даже приятелей, не было, играла я в спектаклях мало. Любила коридоры, лабиринты, кулисы и декорации. Это было такое место для тихого аутиста. Можно было ходить, смотреть, думать и дышать этим воздухом. Я ходила в большой соседний концертный зал «Карнавал», когда там не было концертов, и бродила по его мраморным этажам. Танцевала, когда меня никто не видел. Балансировала на широких перилах (на высоте третьего этажа). Однажды меня поймали за этим занятием и привели к зав. воспитательной работой Ларисе Петровне.

– Зачем же ты ходила по перилам?

– Хотела покончить жизнь самоубийством, – соврала я. –

Из-за несчастной любви.

Мы говорили около часа. Это был мой первый и единственный разговор с ней.

И хоть я и не хотела кончать жизнь самоубийством, было мне, вероятно, не слишком-то весело. Разговор с Ларисой Петровной очень помог. С тех пор при встрече мы всегда здоровались и улыбались друг другу. Ещё я очень любила стоять на контроле, отрывать билеты. Там я себя чувствовала на своём месте.

Спектакли – «Сирано де Бержерак», «Сотворившая чудо» – знала наизусть. Наверное, не будь «Сотворившей...», не стала бы я дефектологом.

Что ещё помню?

Дотронуться, за руку взять – лучше раскалённое железо.

Всегда жила во мне уверенность, что человек, которого я люблю, об этом должен сам догадаться, то есть он уже об этом знает. А я должна делать вид, что он мне совершенно безразличен. Или хотя бы не необходим.

Зачем, главное? Бог его знает, так я тогда была устроена. Я и сейчас так устроена.

Мне казалось, достаточно того, что я сама чувствую, внутри себя, это и так мучает, и так жжёт.

Школу я не любила из-за французского и математики, да и вообще почти из-за всех предметов. Из-за того, что меня дразнили. Я была неаккуратная – в рюкзаке разные бумажки и учебники по всем предметам, потому что было лень вече-

ром их вынимать, – и ходила по-уродски, косолапо. И была ниже всех в классе.

Любила я кабинет французского. Он находился между четвёртым и пятым этажами, в тёмном коридорчике напротив кабинета химии. Дверь из коридорчика открывалась в свет. Кабинет всегда был полон солнца, даже в пасмурные дни. На низеньких окнах цвела красная герань, а по карнизам вечно бродили голуби. Пахло здесь чердаком: сухим деревом, пылью, солнцем, кровельным железом, облаками, небом.

Из окна были видны крыши до самого конца города, до подъёмных кранов в порту.

Вот там-то я впервые ощутила прикосновение нестрашного мира.

Письма с Онеги

Лёве, который хотел стать врачом



Дорогой Лёва!

Три года назад ты задал мне вопрос, а ответа так и не получил. Три года – это долго. Должна же я в конце концов ответить!

Хочу рассказать тебе о своём смятении, страхе, радости, отчаянье, – а это очень трудно. Поэтому я просто записала все свои мысли по порядку, вот и получился жуткий беспорядок.

Знаешь, Лёва, иногда я думаю – может, стоит сменить профессию? Мне очень трудно работать с людьми. Я их совсем не знаю. Но они меня завораживают, и я не могу просто взять и бросить всё.

* * *

Дорогой Лёва!

На занятия с Егором я иногда приезжаю слишком рано. Тогда я захожу в супермаркет «О'Кей». Я стою у входа и смотрю на стеклянные часы турфирмы «Нева». На ряды и кассы. На людей с тележками. Иногда я сама беру тележку и делаю вид, что покупаю. Меня завораживает логика движения и нестолкновения тележек. Я никак не могу понять её. В супермаркете я ребёнок. Растерянный, заблудившийся, или радостный, убежавший. Это ничего не меняет. В любом случае, я только делаю вид, что покупаю.

Тогда я думаю о своих учениках. Я вижу их рядом. Они-то не делают вид, что покупают. На них косо смотрят. Их выгоняют, когда они опрокидывают коробку молока. Никто не поможет им разобраться в том, что вокруг.

Я напишу книгу, она будет называться «Дети в супермаркете». Но сейчас ещё рано. Книгу обычно пишут, когда что-то поняли. Как обобщение опыта. Вот, например, Януш Кор-

чак¹. Многие люди всю жизнь зарабатывают право написать книгу. А у меня нет права писать о своих учениках. Я не знаю их. Может, я знаю о них даже меньше, чем они обо мне. Потому что им ничто не мешает судить беспристрастно. Однажды – это тоже было в супермаркете – я застряла в стеклянном лифте. Я поняла. Я смотрю на своих детей из стеклянного лифта.

Так вот, я напишу книгу, когда вырасту. Но вырасти мне не дают. Просят написать сейчас. Ладно. Если есть книги-завершения, пусть будет и книга-начало. Книга о тех, кто делает первые шаги навстречу друг другу и ещё ничего не знает.

* * *

Дорогой Лёва!

Сегодня день Святого Валентина. И эту книжку я должна дописать именно сегодня. Не знаю, почему так вышло.

Книжка, конечно, будет о любви, раз день такой. Хотя, напиши я её первого апреля или двадцатого ноября, она всё равно была бы о любви.

Выставили нас с Рустамом из класса. То есть мы сами

¹ Януш Корчак (наст. имя Генрик Гольдшмит, 1878–1942) – польский педагог, врач и писатель. Погиб в Трешлинке вместе со своими воспитанниками из «Дома сирот», отказавшись от предложенной свободы. Автор повестей для детей и книг о воспитании, среди которых «Как любить ребёнка», «Право ребёнка на уважение».

ушли. Я сказала:

– Рустам, давай-ка прогуляемся.

Потому что чувствовала: сейчас добрая, терпеливая Анна нас просто убьёт. Сначала-то всё было хорошо: мы нанизывали на проволочку большие бусины, Анна объясняла задачу Тане, Саше и Ирине. Потом лепили из теста. Весело.

Но Рустам устал и принялся дубасить тесто обоими кулаками, распевая: «а-а-лла! а-а-лла! улла! а! а! А!!»

Измученная Анна, которая к этому времени отчаялась объяснить Тане и Саше, что «на два больше» – это плюс, а не минус, схватила Рустама за шиворот и бросила себе под ноги. Он тихо лежал на животе под учительским столом.

Потом Рустам встал на колени и упал вытянутыми руками вперёд.

– Смотри-ка, – сказала Анна, – это он намаз делает! Эти... они ведь мусульмане? Или нет?

– Вроде мусульмане...

– Рустам, скажи: «Аллах Акбар».

– Хватит издеваться, – говорю.

– Да я не издеваюсь, – говорит Анна.

Рустам выглянул из-под стола и улыбнулся мне. Открыл рот и приготовился запеть.

Тут-то мы и сбежали.

Сижу в коридоре на корточках, а Рустам у меня на коленях. Благо что лёгкий. Весит как пятилетний в свои восемь. Улыбается мне и обнимает за шею. Я рада. Обычно он в по-

рыве чувств колотит людей кулаками.

Семь лет из восьми он прожил на скотном дворе в Краснодаре. Не умел пользоваться туалетом и ложкой. Раздевался и голый валялся на полу в классе. Игрушки первый раз увидел в интернате.

На открытом уроке, помню, раздала всем детям конфеты. Наша преподавательница говорит:

– А Рустаму-то дайте тоже!

– Он не будет есть. Не знает, что это такое, – сказала Анна.

Мать приводит Рустама в интернат в понедельник и забирала на выходные. Каждый раз она вталкивает его в класс. Рустам рыдает и кричит «аба! аба!». Мать отрывает его от рукава дублёнки. Ни разу не поцеловала.

– А что вы хотите? Это ребёнок от нелюбимого человека!

* * *

Дорогой Лёва!

Редактор считает, что я должна объяснить читателю, где что происходит. Вообще-то, всё, что происходит, происходит во мне, но это ведь мало что объясняет. Ладно, я признаюсь, что работаю в разных местах и с разными людьми. А то большинство думает, что только с аутистами. Ну да, с ними я тоже работаю. В Фонде. И на Онеге². Онега – это наш летний

² Летний интегративный лагерь реабилитационного туризма Фонда «Отцы и дети»; сайт Фонда: www.otsyideti.org.ru

лагерь, он очень далеко. Письмо идёт целых две недели.

Ещё я иногда работаю в школе N, детдоме X и на дому. Но это, по правде говоря, не имеет ни малейшего значения.

Вхожу в комнату.

Ребёнок лежит на полу и рыдает.

Он в бешенстве, ему страшно. Успокаивать и отвлекать бесполезно.

Ложусь на пол рядом с ним и начинаю кричать, рыдать и стучать ногами.

(«Ты не один, я разделяю твои чувства, я такая же, как ты».)

Он на секунду перестаёт рыдать и взглядывает на меня. Мельком, искоса.

С остервенением кусает свою руку Я тоже кусаю руку

Через десять минут он перестаёт рыдать и начинает жалобно тянуть:

– Ммммммммм...

Я тяну вместе с ним. Выстраиваю простую мелодию:

– Мммм, ммммм... МММ... МММ...

Он смотрит на меня и хватается за волосы.

Я хватаю за волосы его. Не больно.

Он отпускает меня. Берёт мои руки, кладёт к себе на голову.

Я глажу его.

Он отходит на два шага, останавливается и оттягивает пальцами нижнюю губу.

Посматривает на меня. Я повторяю за ним.
Он садится за рояль и играет.
Медленно нажимает на клавиши.
Я отхожу.
Нужно дать ему побыть одному.

* * *

Дорогой Лёва!

Когда рассвет едва заметной дрожью
Колеблет ночь и гаснет темнота,
Твоя душа идёт по бездорожью,
Единым хлебом ангельским сыта.
Не перейти тропу единорожью,
Не миновать запретные врата.
И ночь ещё темней
Дремучего леса из старой сказки.
Ты стоишь перед ней
В пальто и свитере грубой вязки,
нет ни ночей, ни дней,
А лишь тишина наполняет связки.
Нащупываешь стволы,
Чувствуешь пальцами, как застыли
Ветки. И неизвестно – ты ли
Здесь проторяешь дорогу мглы
Или...
Лучше считай шаги.

И не надейся найтись по звуку.
Прикосновенье чужой руки.
Что-то вложили в руку,
Шепотом «береги».
Голову наклони,
Остановись, напряженно слушай —
Кажется, скрип лыжни,
Кажется, где-то рожок пастуший³.

* * *

Дорогой Лёва!

Что-то я заснуть не могу. Хочется написать тебе об Анне.
Есть люди, за которых мне хочется молиться.

Твоя мама говорит, что у нас каменное сердце. Так вот
есть люди, которые могут это вылечить.

Первый раз я услышала Аннино имя просто так, без от-
чества.

– Один человек у нас пойдёт к Анне.

Всех учителей в начале практики нам представили по
имени и отчеству.

– Маша у нас пойдёт к Анне. (И все переглянулись.)

Мы ходили по школьным лестницам, и А.С. спрашивала,
заглядывая в классы:

³ Здесь и далее стихи автора.

– Анну не видели?

Анну никто не видел. Дети её где-то здесь.

Анна мне не понравилась. Выражением лица. Сперва я увидела в нем скуку и равнодушие. Только потом нашла верное слово: безнадёжность.

Вся она была какая-то убитая. Безразлично смотрела на меня. Безразлично отвечала на вопросы. В классе сломанные парты. Голые стены. Ни одного цветка.

Меня возмущало, что Анна прямо посреди урока присаживается на парту и напевает. Как она может называть Сашку дураком? И не использует табличек! И работает кое-как! И на всё-то ей наплевать! На класс, на детей, на методику преподавания, на развитие слухового восприятия.

Я сказала:

– Анна – плохой учитель. Я не буду такой, как она. Три Аннинных выражения:

«Дурдом-санаторий "Солнышко"» (это про класс).
«Меньше слов – больше дела» – про мои конспекты уроков.
И – «урок должен быть как песня».

Постепенно я её поняла. Это был отчаявшийся человек. Человек, опустивший руки.

– Понимаешь, – объясняла она мне, – дали мне класс. Они были совсем никакие. И вот за год я их вытянула так, что с ними стало можно работать. Тогда у меня их забрали и дали новых. Те вообще ничего не умели. За месяц я их кое-как привела в чувство. Тогда мне дали Настю с Рустамом. И у

меня опустили руки. Если я работаю с классом, я бросаю этих. Работаю с этими – бросаю класс. Раньше я шла в школу как на праздник. Теперь я иду в школу как на каторгу.

Надо сказать, что даже если исключить Рустама и Настю, Аннин класс – худшие из худших. Тяжелые из самых тяжелых. На нас приходили смотреть.

Анна срывалась, кричала на детей, хватала Рустама за шкуру и кидала под учительский стол.

Но было что-то, и это осталось...

Как Анна подозвала меня к себе во время урока:

– Встань сюда. А теперь посмотри на их глаза. Видишь? С этого момента можешь им ничего не объяснять. Уплыли...

Как она объясняла мне построение уроков. Всегда хвалила. Если я работала плохо, говорила:

– У нас с тобой не получилось. А если мне что-то удалось:

– У тебя получилось.

Как рассказывала про свой прошлый класс. Какие они были умные, всё ловили на лету. Всё, что только можно, она делала с тем, счастливым, классом.

Как к ней приходили «речевики», а попросту трудные подростки, вечная проблема директора – воры, беспризорники и двоечники, переведённые в нашу школу из обычной под давлением РОНО. Почему-то к Анне они испытывали доверие. Знали, какая она.

– Анна Дмитриевна, можно?

– А вы что не на географии?

– А ну её. Она истеричка какая-то.

Анна усмехалась, потом, опомнившись, вздыхала:

– Вот я не могу понять: как ты можешь называть истеричкой человека, который хочет дать тебе знания? И вообще, валите отсюда! У меня открытый урок. Не мешайте Маше. Ей и так тяжело. Машуля, гони их в шею.

Ещё к Анне приходили слабослышащие двенадцатиклассники, мои ровесники. Я их очень боялась и утыкалась в книгу. Они на меня косо посматривали и что-то обсуждали жёстами. А Анну любили. И она их.

– Оболтусы! Маша, ты хоть что-то понимаешь из того, что они говорят?

Я чувствовала её бесконечную усталость, но только потом узнала, что Анна работает без выходных с восьми утра до 11 вечера на двух тяжелых работах.

– Я тоже раньше думала, что всем помогу и весь мир переверну... Если ты хоть одного вытянешь – значит, не зря живёшь. И тебе за одно это можно памятник поставить.

«Памятник поставить» – ещё одно любимое Аннино выражение.

Она любит детей и свою работу.

Работу, про которую у нас говорят: «с умственно-отсталыми – никогда. Хочется получать хоть какую-то отдачу».

В конце практики она сказала мне:

– Маша, главное, сохрани любовь к этим детям.

У неё не осталось сил на то, чтобы каждый день перево-
рачивать мир и спорить с Господом Богом о живых душах,
которые Он ей должен.

Нам с ней было хорошо. Она сказала: «К концу практики
я даже улыбаться начала».

Когда ты прикасаешься к страданию, если тебе удаётся
подарить отчаявшемуся немного сил, на тебя обрушивается
сильное и истинное – любовь, наверное. Любовь в неразбав-
ленном виде. Тогда ты понимаешь, что Бог есть. Ради этого
я хочу жить.

Мне стыдно перед Анной Дмитриевной за то, что я ушла,
а она осталась. И значит, опять перестанет улыбаться. Стыд-
но за то, что я высыпаюсь, не отчаиваюсь, не выбиваюсь из
сил, не несу чужую ношу. Практика кончилась.

Бога зову по имени
В тихом рассветном гимне:
Смилуйся, усыпи меня,
Смилуйся, помоги мне!

В утреннем легком веянье
Таинства ли, черты ли?
Тень по стене – мгновение,
Бой со стены – четыре.

Это ночные ангелы
Время шагами мерили.

Странно – да только странно ли?
Верю – да только верю ли?

* * *

Дорогой Лёва!

Вчера я опять виделась с Антоном.

– Антон, что это?

– Тесто!

– А что мы будем делать?

– Тесто!

– Ну да, это – тесто, а что мы будем делать? Ле...

– Летать! Вчера думала:

В каждой группе есть ребёнок, которого называют по фамилии.

А необучаемый ребёнок – это ребёнок, которого не обучают, только и всего.

У Бога необучаемых нет.

* * *

Привет, Лёва!

Сегодня мы узнали, что Андрюшу отправили в детский дом. Я тебе, кажется, не рассказывала про него.

Чаще всего Андрей говорит слово «казаки». Это означает

всё хорошее.

Порисовать – казаки, качели – казаки, мелкие игрушечки из киндер-сюрпризов – тоже казаки.

Он произносит это слово целиком, но как-то коротко, на одном дыхании, поэтому кажется, что это только один слог: казаки, максимум – два.

А первое его слово было: «Америка».

Дорогой Лёва!

Когда я первый раз пришла в Фонд и села в углу на стул, ко мне подошел мальчик и дотронулся до правой щеки. Так началось моё путешествие.

Мой редактор говорит, что лучше всё-таки объяснить, что такое Фонд. Фонд – это Фонд. Я там работаю с 2004 года.

Тебе пока всё понятно?

Спрашивай, если что.

* * *

Дорогой Лёва!

Когда я была поэтом, мне было обидно и досадно, что я не чудотворец.

Теперь я работаю с детьми, и мне страшно, что я не чудотворец.

Никакой другой труд не даст мне столько радости, вдохновения, умиротворения.

И столько страха, тоски, неуверенности. Опасная работа.

Я ведь серьёзно: то пребываю на верху блаженства, то опускаюсь в бездну скорби.

Я серьёзно: дефектология – хроники пикирующего бомбардировщика.

Я хотела помочь детям справиться с их страхами, стереотипами, научить их устанавливать контакт с другими людьми.

И поэтому я бесконечно сталкиваюсь со своими страхами, негибкостью, неумением устанавливать контакт, чувствовать другого.

Меня бросает из крайности в крайность.

Я нетерпелива. Не с детьми нетерпелива, а с собой: хватаюсь за одно, за другое, ищу новое, не использовав до конца старое.

Я теряю голову перед своими ошибками.

Я впадаю в отчаянье от своего неумения.

Я чувствую, что мне самой нужна моя помощь.

И за спиной я всё время ощущаю Бога, который говорит: «Ты должна мне ещё одну душу».

И родителей, которые повторяют: «Ты в ответе за нашу новую надежду».

Поэтому мне страшно.

* * *

Дорогой Лёва!

Когда ты собирался быть врачом —
Я это время, кажется, застала,
Но это совершенно ни при чём —

Я что-то ощутила за плечом
И прыгнула под ветер с пьедестала —
Обратно не заманишь калачом.
Бежала, догоняла, уставала,
Смотрела на попутчиков сычом,
Величия – увы – как не бывало.
И по горячим трещинкам земли,
Как девочка, играющая в классы,
Шепча себе «у волка не боли»,
Считая мир, не отходя от кассы,
Ловя часы, покуда не прошли.

Сидела на ступеньках и крала
Насущный хлеб со школьного подноса,
У поварихи-жизни из-под носа,
Со страхом обходила зеркала,
И вскакивала из-за стола.
Снежинки спят. На вкус они горьки.
Их собирает ветер в вихорьки,
Они взлетают, как пылинки в храме,
А я смотрю на всё из-под руки
И ухожу с последними ветрами.

* * *

Дорогой Лёва!

Вчера была на родительской группе.

Мать:

– А я вот, девочки, думаю, надо найти Косте лесника.

Остальные:

– Кого?! Мать:

– Ну, лесника. Где-нибудь в Новгородской области, или ещё подальше, в чаще. Там же, девочки, лесничества. Ещё остались. Я узнавала. А лесники – это же спокойные люди. Они сами – как аутисты. Круглый год в лесу, без людей. Ну, я подумала: научил бы он моего Котьку помогать, хворост собирать, печь топить. Костя же умный. Он научится. А потом, глядишь, сам лесником станет...

* * *

Дорогой Лёва!

Я занимаюсь с Рустамом в учительской. Другого места для занятий в просторном бардаке школы N не нашлось. С одной стороны, это, конечно, неудобно, а с другой – очень познавательно. Потому что за два урока наших занятий к нам заходит за журналами весь учительский состав школы N.

Рустам – это местная достопримечательность. Потому что он «мальчик– Маугли», «детка из клетки» и так далее.

Примерно треть тётенок-учителей (как вы уже догадались, коллектив школы N на девяносто восемь процентов состоит из дам среднего возраста) подходит поближе и доверительным шепотом рассказывает:

– Вы знаете, такое ощущение, что его первые восемь лет жизни держали в запертом помещении... Голого... А пищу пере давали через окошечко...

Иногда они интересуются: «Ну, как он? Есть хоть какие-то успехи?»

Я, конечно, бодро отвечаю, что успехов полно и вообще Рустам у нас **ещёвырастетивсемпокажет**.

Тогда они (не так бодро) улыбаются, берут свои журналы и уходят.

Некоторые не обращают на нас никакого внимания, как будто нас и нет. В чём-то они правы: я в школе не работаю, а Рустам вообще из ряда вон. Поэтому мы невидимые.

Иные тётеньки, наиболее нам симпатичные, здороваются, улыбаются и не мешают.

Остальные же смотрят на нас с таким выражением лица, за которое я бы не задумываясь лишала диплома педагога-дефектолога.

Одна сказала: «Он же опасен для общества!»

Сама ты опасна для общества, а прежде всего – для детей, с которыми ты общаешься пять раз в неделю по шесть часов.

– Знаете, он одну девочку чуть не придушил. Из четвертого класса.

Представляю, как мой Отелло, который в свои девять выглядит на дистрофичные пять, душит одиннадцатилетнюю девицу руками, которые даже пластилин размять не могут.

Ещё одна (кстати, супермегапрофессионал со столетним, как минимум, стажем):

– Это что? Школа или дом инвалидов? (Или дом престарелых, если на то пошло.)

Ну и ладно, а мы всё равно **имвсемпокажем**.

Пожелай нам удачи.

* * *

Дорогой Лёва!

Я не могу, когда Костя страдает.

Страдать – это лежать на рояле, засунув палец в рот, и тянуть:

– Маа-хааа... нетааа... Это значит:

– Маша, нет!

В смысле: «Маша, что бы ты мне ни предложила, нет, нет, нет. Оставь меня в покое».

И ещё: «пост!» (то есть поезд метро, хочу поехать домой). Пусть уж лучше ходит за мной и пытается укусить, с этим мы справляемся.

Кусать и бить – это не плохо, это мы так общаемся. Беседуем. Всегда можно перевести в игру. Гоняться друг за другом, например, и играть ногами на рояле.

В самые хорошие дни можно даже потанцевать под музыку («Маха! Песня!») или задуть свечки на торте из конструктора («тортик свечка задуть!»)

Но так долго страдать я не могу!

P.S.

и на воде зеленоватый срез,
и не дотлели белые поленья,
и тишина,
и музыка небес
ещё дрожит на краешке вступленья,
усни, подменыш.
ветер, шевеля
верхушки трав и листья щавеля,
спускается кругами, замирая,
бесшумно нагревается земля
и лодки у рыбачьего сарая.

и умолкает пение цикад,
стихают голоса в июльской неге,
расходится сиреневый закат
по западному берегу Онеги,
и мир приподнимается волной,
в которой не вздохнёшь и не утонешь,

усни, дитя, не понятое мной,
несчастный человеческий детёныш.

* * *

Дорогой Лёва!

Сегодня ходила в школу N заниматься с Настей. Настя – одноклассница Рустама.

И товарищ по несчастью: тоже «детка из клетки», «необучаемая» и «опасная для общества».

Как и Рустам, она «учится в первом классе».

Им обоим необходим индивидуальный подход, который учительница при всём желании не может им обеспечить. Настю перевели на индивидуальное обучение, но ей пришлось остаться в классе, потому что учителей не хватает. В начале дня Настя ведёт себя тихо: сидит за партой и рисует домики и людей. Из-за очень плохого зрения ей приходится пригибаться к столу. Потом она подносит свои рисунки к глазам и рассматривает. И рвёт на мелкие кусочки. Это знак. Сразу после этого Настя начинает хныкать и хлопать себя по щекам. Никто не обращает на неё внимания. Она срывается с места и отшвыривает ногой стул. Опрокидывает парту. Разбрасывая всё на своём пути, несётся по классу. Однажды она сорвала со стены доску.

Учительница отводит её в туалет и умывает холодной во-

дой. Этот способ считается универсальным. А что ещё учительница может сделать? У неё целый класс сложных детей.

У Насти последствия ДЦП, нарушение слуха и зрения. Ходит она быстро, широкими шагами, наклоняясь вперёд. У неё лицо следопыта и наблюдателя. Выражение, которое появляется на Настином лице в счастливые минуты, называется «слабая улыбка». Она тоже из страдальцев.

Скучает по дому. В школу её отводит отец, пожилой мужчина – Настя поздний, долгожданный ребёнок. Что называется, «домашний».

Домашний ребёнок в школе N почти неизбежно страдалец.

Учительница и психолог уверены, что Настя умственно отсталая и необучаемая. Однако я выяснила, что она умеет писать. Она не выводит корявые печатные буквы. У неё широкий летящий почерк талантливого человека. Настя стремительно пишет чёрным маркером.

Показываю на неё: кто это? Пишет: «Настя».

(Необучаемый ребёнок.)

Я вам говорю, маленькие дети так не пишут. Не-личности так не пишут.

У Насти замечательная память: за одно занятие она запоминает десять слов-табличек и потом не забывает.

Но не говорит. Вообще. Не раскрывает рта. Даже кричит со стиснутыми зубами.

Пытаюсь научить её произносить самый простой звук –

«а».

– Настя, покачаем куклу: а-а-а.

– Мммммм.

И кукла летит в угол.

Я люблю талантливых людей. Учительница говорит, что Настю ничего не интересует, но я знаю, что это неправда.

Сильная, свободная от природы душа, запертая в тишине, полумраке, где все движения затруднены, не может не страдать.

А что дальше?

Я не знаю, что дальше.

* * *

Дорогой Лёва!

Забыла тебе сказать – я теперь волонтер в детском доме.

Прихожу два раза в неделю помогать.

Сегодня одна девочка залила меня, себя и всё окружающее пространство киселём.

Один мальчик верхом на горшке ускакал в угол и свернул с горшка другого мальчика.

Одной девочке не удалось почистить зубы, так как она встала на голову.

Ещё одна девочка, пока я пыталась вложить ей в руку ложку, другой рукой аккуратно размазывала кашу по столу...

Меня гложет нетерпение и желание показать им всё и сразу. Поэтому мне уже сказали:

– Маша! Ну нельзя же так быстро! Наши дети слабые...

Кроме того, моя голова отказывается вмещать информацию о том, где хранятся памперсы, на кого какой свитер, кого кормить сначала, а кого потом и т. д, и т. д, и т. д.

Я знаю, что у меня ко всему этому мало врождённых способностей. Я очень резко двигаюсь. Нетерпелива. Не умею делать «по-матерински». Путаю и роняю. И тому подобное.

Чему меня пять лет учили? Онеге спасибо, а то бы пропала совсем. Сострадания во мне мало. Я вообще его не знаю. Мною движет какой-то духовный голод, желание приблизить к себе мир людей, войти в него и найти там своё место.

Меня учит Заския, педагог из Германии.

Когда я смотрю на неё, то не верю, а просто вижу, как можно лечить любовью. Я тоже хочу так уметь. Когда она заходит в группу, всё озаряется светом – стены, ряды кроваток, лица детей, даже полка с памперсами.

– Извини, Веэрочка, – говорит Заския с мягким немецким акцентом, – но сейчас мы будем тебя немножко двигать. – Оо... Какой ужас! Мешают спокойно лежать!

Верочка, до того безутешно рыдавшая, закрывает рот и удивлённо смотрит на нас.

Я вижу Настю, которая глухо кашляет, к носу протянута трубка для кормления. Если присесть к ней на кровать, она обрадуется и закашляется ещё сильнее.

Слева лежит Аня с несгибающимися ногами, к ней иногда приходит мама. Под подушкой – «домашние» штаны.

Справа Галя, синдром Дауна, сидит в деревянном стульчике (именно «в»), требует общения: даёшь игрушку, она смеётся и выбрасывает.

Аршад с громадными глазами и ресницами, всё время на спине, пьёт из бутылочки, Олег со светлой и слабой улыбкой, слепой Владик, раскачивающийся под постоянное «Русское радио», рыдающий, в узел завязанный Алёша.

Даунята в манеже. Некоторые не умеют стоять. Разговаривают криком.

Сильный, свободолюбивый и сообразительный Мурат, меланхоличная Маша, крошечная слабая Эвелина, Паша, похожий на поросёнка, – так же хрюкает, шмыгая носом, ровный и быстрый Дима.

А я? Я ещё ничего для них не сделала, не умею, не хватает любви, терпения и знаний, я не Заския.

Я вижу Надю, тело которой так напряжено, что голова откинута назад, а руки вытянуты вперёд.

И ты идёшь, идёшь вдоль решетчатых кроваток, наклоняешься, и тебе улыбаются, улыбаются, улыбаются.

P.S. Лёва,

я не могу сказать, чем отличается любовь от нелюбви, потому что я не верю в нелюбовь. Но мы очень много и успешно занимаемся тем, что пытаемся любовь всеми средствами

заглушить.

* * *

Дорогой Лёва, вот как меня вывели из себя:

– ...первое занятие – по теме «семья». Это очень важно...

Семейные праздники... Семья и школа... включить родителей... словарь: мама, папа, бабушка, дедушка...

– У меня в классе могут оказаться и интернатские дети, что мне тогда делать?

– А?

– Ну, дети из детского дома, если у меня в классе будут, как я им это всё...

– (раздражённо) Это вопрос не по теме! При чём тут мы? Они там в детдоме... пусть детдом ими и занимается.

* * *

Дорогой Лёва!

Я написала про моего ученика Егора. Причём довольно давно. Сегодня я с ним занималась, было трудно. Ровно – не бывает. Мы то «пребываем на верху блаженства, то погружаемся в бездну скорби». Сегодня как раз была бездна скорби. Потому что нельзя успокаиваться и думать, что всё понятно и просто, но об этом я тебе ещё напишу.

1. Егор из всех моих особых учеников самый особый. Особенный, можно сказать. Один из любимых.

2. Ему восемь лет.

3. Вес – 17 килограммов.

4. Не видит, не ходит, почти не слышит.

5. Мы с ним знакомы чуть больше года.

6. Его мама сказала мне:

– Понимаешь, я особенно не жду никаких результатов. Но ребёнок должен заниматься. Работать.

– Но я не умею...

– Вот и поучишься. Значит, обоим будет польза.

7. Егор – единственный сын.

8. Меня уговаривали отказаться. Его мать сказала: «Вы что, с ума сошли?!»

9. У Егора было всё: бесконечные больницы, препараты, массаж, бассейн, психологи, дефектологи.

На любой мой вопрос – «...а вы делали? а у вас было?... а у вас есть...» – мне отвечали: «конечно, делали!», «да было, было», «точно есть, надо поискать».

Перепробовали всё.

Сейчас с Егором занимаюсь только я. Два раза в неделю.

10. Нам трудно было понять друг друга. Помните: «слепая и глухонемая, она похожа на маленький запертый сейф, который никто не может открыть»⁴.

Понимать нас учили бабушка и мама.

⁴ Келлер Е. «История моей жизни».

Егор яростно мотает головой и машет здоровой рукой.

Бабушка:

– Гляди-ка, веселится!

Наклоняет голову, весь перекашивается.

Бабушка:

– Просит, чтобы его положили. Суёт палец в рот. Бабушка:

– Смотри, злится, злится.

Шарит в воздухе в поисках бабушкиной руки. Бабушка:

– Прыгать хочет. Ему лишь бы прыгать. Это единственное,

что любит Егор.

Поэтому мы чередуем занятия с прыганьем. У нас это как «пятерки».

11. Занятий у нас много.

Мы играем на музыкальных инструментах, лепим из теста, исследуем комнату, учимся удерживать в руках разные предметы, находить источник звука, трогаем гладкое и шершавое, холодное и горячее, железное и деревянное, играем гремящими воздушными шариками, пересыпаем горох и фасоль, переливаем воду.

Сначала Егор яростно сопротивлялся. Теперь привык. Слушается. Что-то даже начинает ему нравиться. Немного.

Но я в него верю.

12. Результаты? Мне кажется, что они есть. Но не в этом суть.

13. Некоторые (даже, наверно, многие) спрашивают: а зачем? То есть какой во всём этом смысл? Он же необучае-

мый?

Во-первых, я в необучаемость не верю.

Во-вторых, я считаю: если человек живёт, он должен развиваться. Что-то делать. Куда-то двигаться. Пусть со стороны и кажется, что это топтание на месте, но я-то вижу: сегодня он впервые протянул руку и поймал колокольчик. А сегодня крепко схватил деревянную ложку. Сам опустил ладонь в миску с фасолью, рассыпал её по ковру. Осмысленно – на какую-то секунду – прижал руку к моему лицу.

В-третьих, если всё это Егору и не нужно и мои знакомые правы, у меня остаётся последний, неотразимый аргумент: это нужно мне.

Лис

На тебя я всё смотрю и молчу.
Если хочешь, мне смотреть запрети.
Можно, я тебя приручу?
Только мне потом придется уйти.

Я зажгу тебе звезду, как свечу,
И пущу её на небо: лети!
Можно, я тебя приручу?
Только мне потом придется уйти.

Я тебя с ней говорить научу,
Различать её в туманной ночи.

Хочешь, я тебя приручу?
Хочешь – ты меня приручи...

* * *

Дорогой Лёва!

Я знала, что рано или поздно это случится. Когда имеешь дело с такими людьми, как родители Рустама, можно ждать чего угодно. Точнее, можно ждать совершенно определённых вещей. И все наши с ним усилия пойдут прахом.

Я знала, что мать водит Рустама в школу, только потому что имеет возможность оставить его там на всю учебную неделю. Другой пользы от школы она не ищет.

Ей всё равно, научится ли Рустам хоть чему-нибудь. Так вот, воспитательница, бравшая мальчика в свою группу во второй половине дня, уволилась. Больше никто не соглашается возиться с Рустамом. Группы и так большие. Ему отказали в интернате.

Мать Рустама забрала его из школы.

Это значит, что он вскоре забудет всё, чему его научили (в том числе и я). Перестанет есть ложкой, проситься в туалет. Пропадут все (и так минимальные) учебные навыки.

Я очень, очень расстроена.

Значит, всё было зря?

Как мы играли! Кормили куклу, расчёсывали ей волосы.

Рустам не умел играть, он и игрушек-то не видел до того, как пришел в школу. Он понемногу начал подражать моим движениям. Впервые произнёс звук «а». Собрал пирамидку.

Нам всегда было хорошо вместе. Он не хотел, чтобы я уходила.

Школа N – далеко не самое подходящее место для таких детей, как Рустам. Но это рай по сравнению с тем, что ждёт его дома. Дома требуют и хотят только одного: чтоб не мешал.

* * *

Дорогой Лёва!

Сегодня среда, ездила в детдом.

– Познакомься, это Лена, – говорит координатор Маша. – Она глухая. Недавно из дома, очень скучает. Но к ней приходит мама, и у Лены даже есть слуховые аппараты.

Лена сидит за решёткой кровати и смотрит на нас. У неё внимательные тёмные глаза, она коротко стрижена, как все, похожа на мальчишку. На вид лет двенадцать, но с возрастом в детдоме, скорее всего, ошибёшься.

– Она очень активная, такая, знаешь, любознательная девочка. Но её никуда не берут – ни к логопеду, ни в малую школу. Я как-то брала её в игровую, было очень интересно.

– А это Саша. Он слепоглухой. Ноги уже всё, поздно что-то делать, а руки очень хорошо работают. Сам всё берёт, ин-

тересуется. Умный мальчик.

– Слушай, – говорит мне директор программы, – ты же сурдопедагог? А почему ты не можешь пройти практику у нас в Павловске? Мы тебе глухих детей найдём и бумагу в институт напишем.

Да, действительно. В Павловске людей всегда не хватает, а в спецшколах мы, практиканты, только мешаем. Сбиваем процесс. «Портим детей». Нужно, в самом деле, пойти к завкафедрой и поговорить.

– Нет, нет, Маша, – говорит завкафедрой, – однозначно нет. Там же дети... это... необучаемые.

* * *

Под ногами хрустит щёбёнка,
Голоса в темноте негромки.
Ты приводишь сюда ребёнка
И сажаешь у самой кромки.

Он сидит на песке прибрежном,
Голову запрокинув,
И глаза уголками вверх,
как рисуют у арлекинов.

Он твоей не услышит дудки,
Он глядит далеко и мимо,

Для него не проходят сутки,
Ибо время неразделимо.
Голос неба ему неведом,
Он не молится так, как все.
За тобой он не ходит следом
По янтарной речной косе.

Он спокоен и он бесстрашен,
Как уснувший в полях Иаков.
Он не строит высоких башен
И не чертит глубоких знаков,
Он пройдёт по земле счастливым,
Не оставив следа на ней,
И размочит ночным приливом
Отпечатки его ступней.

Вот и не было. Вот и сразу
Тяжело, горячо и бело,
Словно видели краем глаза,
Словно ветка плечо задела,
Так лучи над водой и сушей
На закате бегут, скользя,
И звенит бубенец пастуший,
Который поймать нельзя.

Дорогой Лёва!

Музыкотерапевт Алеся сегодня, кажется, заболела, и Санька очень страдал.

Дворовый мальчик Валера называет Саньку «чудо в ботинках». И верно, одна яркая черта Санькиной внешности – тяжеленная ортопедическая обувь. Вторая – рот. Я написала бы «улыбка», но трудно назвать улыбкой это выражение восторженного изумления. Как будто ты увидел какое-то чудо и глубоко вдохнул: ХАаа...

Может, поэтому «ха» или «кха» – единственное, что Санька произносит.

Утвердительно. Вопросительно. Недоверчиво. Презрительно. Восхищённо.

Увидит магнитофон, кулаком себя в грудь: «кха!»

– Что, у вас дома тоже магнитофон?

– Кха! Ха!

Так, наверное, представляют себе русских блаженных. Понимает всё. Знает всё. Всё чувствует. Но говорить не хочет. Поздно спохватились, в девять лет. Может быть, говорил бы.

Я помню, было это летом, на горе, на Онеге, между деревней и озером. Мы с ним шли за руку, пыльные, усталые. И вдруг – не знаю, что случилось – я встала перед ним на ко-

лени и стала просить: «Скажи, ну скажи: "домой", "идём домой", скажи "домой", пожалуйста!»

Он мотал головой и отворачивался. Я так долго простояла. Всё просила. Казалось мне, ещё минута, ну, две – и скажет. Не сказал.

* * *

Дорогой Лёва!

Черный город в снежном одеяле.
Сквозняки гуляют по полам.
Я стою на чём-то. На рояле.
И сгибаю что-то пополам.

Что-то гнётся с грохотом и треском
В ледоход сшибающихся льдин.
Хочется подраться. Драться не с кем:
На рояле только я один.

Я стою у края, дальше – бездна,
За спиной – обжитый мной уют.
Забиваться в угол бесполезно:
Видят. Беспощадно достают.

Но меня спуститься не заставишь
На качели (Господи, тоска!).
Дотянуться пробую до клавиш

Самым-самым кончиком носка.

Выключили свет. По крайней мере
Так я в безопасности вдвойне.
Кто-то ходит от стены до двери,
Лампочки мигают на окне.

То, что я ломал, давно изъяли —
Значит, делать нечего теперь.
Я стою на чём-то – на рояле,
И смотрю, как открывают дверь.

* * *

Дорогой Лёва!

Сегодня покрасили Фонд: коридор и маленькую комнату. Два цвета: светло-зелёный и светло-голубой. А поскольку Алина нарисовала на стене игровой комнаты бушующее море, мы оказались совсем под водой (раньше казалось, что под землёй). Ладно, невозможно определить, где мы находимся. В нашем подвале теперь и небо, и море, и город под потолком, и весь мир (огромная карта), и лесной водопад (фотообои). Наш маленький аутичный мир тире другое измерение.

«Ну, короче говоря, – неловко dokonчил доктор, – ваш ребёнок родился в... в другое измерение, – Хорн даже не кив-

нул. Он стоял и ждал. – Ваш ребёнок жив, здоров и отлично себя чувствует, – со всей силой убеждения сказал доктор Уолкот. – Вот он лежит на столе. Но он непохож на человека, потому что родился в другое измерение».⁵

Я безумно горда, потому что покрасила целый коридор.

– Маша, вот мне вчера показали мастер-класс! – говорит Евгений Сергеевич. – Покраска, так сказать, тремя движениями. Вот смотри: берёшь, туда-сюда... Я сам это помещение красил. Три раза подряд. Так сказать, в одно жало.

...слышно, как И.Б. говорит по телефону.

– Макс! Понимаешь?! Если ты ещё раз сюда позвонишь, я позвоню на телефонную станцию и скажу, чтобы тебе отключили телефон! Нет, я не буду говорить про глаза. Нет, потому что не буду. Слушай, Максим, или ты нормальный человек, у которого есть девушки и работа, или ты весёлый аутист, который говорит про глаза и про лёгчиков. Ты понял? Нет, я спрашиваю, ты понял?!

Стук трубки.

Через пять секунд телефон звонит снова.

– Алё. Нет, Макс, до свидания. Потому что до свидания! Потому что я ещё в отпуске, понимаешь? Я хочу отдохнуть, это ты понимаешь? Нет, мне неинтересно слушать про цветное бельё. Кому-нибудь другому расскажешь про Сергея. А я не хочу. Всё, пока. Звонок.

⁵ Р. Брэдли. «И все-таки наш...». Пер. с англ. Н. Галь.

– Алё. Сказала – больше не буду с тобой разговаривать.
До свидания.

Звонок. Телефон звонит минут пять. Наконец успокаивается.

Я с наслаждением вожу валиком по стене.

– Маша, – говорит Евгений Сергеевич, – ты поменьше экс-прессии. Покраска стен – это ювелирная работа. А ты как-то уж очень импульсивно. Это дело не терпит суеты.

Хлопает дверь. За дверью оказываются Лена с сыном Пашей. Они растерянно смотрят на нас.

– О! А чего это вы решили покрасить?

– Чтобы ты спросила! – кричит Володя из комнаты.

– А мы на занятия приехали, – говорит Лена.

– Лена! А занятия начинаются с октября!

Лена грустно разглядывает голубые стены. Паша уносится во двор.

Я задумываюсь и закрашиваю зеркало синей краской. Очнувшись, лихорадочно вытираю его грязной тряпкой.

Хлопает дверь.

– А мы на занятия, – говорит Миша, появляясь в проёме. Его дочь Настя застывает в изумлении при виде новых стен.

– А ты второй! – радостно кричит Володя из комнаты. – А занятия с октября.

– Ну потому что дураки же, – сокрушается Миша.

– Зато ты не один, – утешаю я.

– Водостойкие акриловые краски. Рекомендуется исполь-

зовать при окраске помещений, – подытоживает Миша. – А чего это вы? А я вот шесть лет красил. И сейчас Настю оставляют в школе, потому что я вырезаю лазером дубовые листочки...

Настя легонько гладит меня по голове. Потом говорит:

– Нику дать! (книгу дать) – И идёт к полке.

Там она переворачивает всё вверх дном, раскидывает по полу раскраски, выбирает пять или шесть хороших книжек.

Коридор закончен. Мы любуемся. У меня зелёные волосы, синие руки и пятнистые штаны.

– Знаете, И.Б., эти цвета оставляют такое странное ощущение. Успешности?

И.Б. смеётся.

P.S.

– Здравствуй, – говорю.

Бросается к маме с криком: «Не хочу вежливый! Хочу невежливый!»

* * *

Дорогой Лёва!

У Егора приступ. Мне трудно понять, что происходит в его голове. Я представляю себе серую армию, берущую на приступ крепость. Дрожат стены и трещат крепостные ворота. Я вижу грозное море и ударяющие в воду молнии. Мне

даже кажется, что я слышу треск электрических разрядов.

С утра Егор веселится и просится прыгать. Вдруг его лицо мрачнеет. Точно как перед грозой. Егор – человек, у которого внутри своя гроза. Обычно она спит. Я не знаю, что будит её. Нужно быть очень осторожным.

Когда приступ, нужно накрыть лицо Егора чёрной тряпкой. Тогда ему лучше. И ещё важна прохлада.

Через несколько часов гроза засыпает опять. Бабушка записывает время приступа: 15.32.

* * *

Дорогой Лёва!

К Уне меня отправила мама Егора. Говорит, приезжает моя подруга из Америки. У неё дочка – Егорина ровесница. Вместе лежали в больнице. Потом они уехали в США. Теперь прилетают на месяц по делам. Я Лене рассказала, что ты с Егором занимаешься, и она хочет, чтобы ты месяц по-занималась с Уной.

– А что с ней?

– ДЦП тяжелый, тяжелей, чем у Егора, не может ходить совсем, не сидит, спину не держит. Слепота. Но слышит.

– А что она умеет?

– Видишь, Маша, дело всё в том, что недавно у неё был инсульт. И если раньше она поворачивала голову на своё имя: «Уна», то теперь не знаю. И ест через трубку.

– А...

– Результата никто требовать не будет, – перебивает она меня. – У Лены нет никаких иллюзий. Она очень понимающая мама. Но она тоже хочет, как я, чтобы с Уной занимались, чтобы она не просто сидела в своём кресле, а что-то делала. Чтобы не просто существовала, а жила. Понимаешь?

– Понимаю, – говорю.

Я прихожу на Железноводскую улицу. Там сейчас очень хорошо – и цветущие яблони, и сирень, и черёмуха. И рядом гавань. И ветер.

Уна полулежит в коляске. Она очень похожа на свою русскую маму и при этом совсем не похожа на русскую. Типичная американка. От неё веет заграницей – надёжностью, ухоженностью и уверенностью.

И при этом возникает чувство туманного берега, песчаной косы, по которой идёшь и ни в чём не уверен. Чувство хрупкости, непостоянства и причастности к тайне.

Как всегда, не могу подойти сразу, наблюдаю. Мама говорит:

– Уна! А кто пришел?

Уна никак не реагирует. Мама говорит:

– Who is there?

Уна начинает медленно улыбаться углом рта.

Лена говорит, что никаких срочных результатов она не ждёт, ей важно, чтобы Уна общалась с новыми людьми и знакомилась с новыми ощущениями. Я могу не бояться, девоч-

ка очень спокойная и терпеливая. Многим ведь страшно с такими детьми, потому что те не могут сказать, что не так...

(Я подумала: страшно не только поэтому.)

Мы остаёмся наедине.

– Привет, Уна, – говорю я.

Она пугается незнакомого голоса, и её руки взлетают вверх, к плечам. Защитный жест – «сейчас ударят».

– You are... you are, – пытаюсь я вспомнить что-нибудь по-английски, – you are a pretty princess!⁶

(О, Боже!)

Но Уна довольна. Угол рта снова приподнимается в улыбке.

Мы поняли друг друга.

Мы играем на разных барабанах, бубнах и бубенцах, надетых на руки (и на ноги) под «I love you, you love me, we're a happy family»⁷.

У меня всё с бубенцами. Все игрушки могут звенеть, греметь, трещать или пищать.

Как хорошо, что Уна слышит.

* * *

Дорогой Лёва!

⁶ Ты прелестная принцесса!

⁷ Я люблю тебя, ты любишь меня, мы – счастливая семья...

Кто такая Надюша?

Это первый ребёнок из павловского детдома, которого я взяла на руки.

Взять Надю на руки довольно трудно, потому что она совершенно прямая и вытянутая. Носочки вытянуты, как у балерины. Руки вытянуты вперёд.

Вдобавок она страшно худая, потому что очень мало ест. Не любит.

Её кормят из бутылочки. Выплёвывает. Мой папа говорит, что негативисты делятся на громких бунтарей и тихих саботажников, так вот Надя – именно второй случай. Нянечки то ругают её, то уговаривают, а всё без толку.

Надя – маленькая. Ей пять лет.

Когда я подхожу к её кроватке, она обычно лежит на боку: носочки вниз, руки вперёд, голова откинута назад. Мрачная (ещё один страдалец). Брови сдвинуты. Дотрагиваюсь до нее (или зову), она сильно вздрагивает, ещё сильнее морщит лоб – и сразу улыбается. Она всегда улыбается, когда с ней заговаривают. Лицо её в эти минуты – не знаю, как сказать ещё, – озаряется светом. Она улыбается и цокает языком. Иногда говорит: ы-ы, ы-ыы... радостное и страдальческое – вот и все её выражения.

Надино тело можно немного расслабить. Тогда я сажаю её на колени, спиной к себе. Мы слушаем музыку. Надя очень музыкальна. Ей бы «карусель», что вешают над кроватками малышей – она крутится, и звучит музыка, как из музыкаль-

ной шкатулки.

Я пытаюсь вложить в её руку погремушку, или шёлковый платок, или шуршащую букетную обёртку. Так мы сидим полчаса. Потом она устаёт.

Я приношу Надю Гале, которая сидит и тянет своё «бомм, бомм», – подношу её к Галиному стульчику – «Галя, вот это Надя». Галя выпячивает нижнюю губу, гладит Надю по стриженной голове и тянет мою руку вверх – а теперь ты меня.

* * *

Дорогой Лёва! Дефектология:

1. погоня за благоприятным моментом.
2. собирать шарики с пола игровой комнаты.
3. бегство от общества, замаскированное под служение ему.
4. когда перестаёшь сомневаться в материальности этого мира. И того.
5. любая звучащая, шуршащая, выпуклая вещь приобретает исключительно важное значение.
6. тепло и настойчивость.
7. никогда не выходить из себя, держать железной хваткой.
8. постоянная готовность подпрыгнуть к потолку и упасть на пол.
9. ты постоянно утоляешь свой сенсорный голод.

10. когда в твоей голове начинают возникать образы предметов.
11. система.
12. взгляд изнутри, сверху, в упор, ускользающий, из будущего, на равных.
13. когда ты обязан знать, чего ты хочешь.
14. когда нельзя судить по себе.
15. когда звучат цвета и светятся звуки.
16. оркестр мира.
17. когда Бог не хочет, а ты хочешь.
18. когда ты уже не можешь не видеть, не слышать и не осязать.
19. когда можно всё, но только в рамках поставленной задачи.
20. когда ты чей, где, зачем, куда, кому, когда.
21. ты понимаешь зыбкость правил, но должен их придерживаться.
22. когда ты должен забыть об идеале, но постоянно к нему стремиться.
23. бутылка с запиской.
24. когда Бог есть.
25. летающая тарелка или космический корабль.
26. механика, а не электроника.
27. китайская шкатулка. Никогда не вынешь того, что положил.
28. когда крысолов уводит детей, которые не слышат, или

не видят, или не понимают его дудки.

29. ученичество у мира.

30. то, чего не должно быть.

31. непреклонная гибкость.

32. «А мы пойдём другим путем!»

33. мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее там, где она этого не ожидает, – наша задача.

34. когда любое ваше... может быть использовано против вас. И за вас. И вообще никак не использовано.

35. когда мелочей не бывает, но всего предусмотреть нельзя.

36. когда ты хочешь слишком много и только при этом условии что-то получаешь.

37. не жизнь, а жизнь-1 (жизнь– А, жизнь–В, жизнь–С, другой вариант жизни).

38. непонятная и раздражающая настойчивость.

39. твой последний шанс понять, что всё индивидуально.

40. когда заменимых нет.

41. стекло и соломинка реальны, как никогда, и ты продеваешь соломинку сквозь стекло без малейшего сопротивления.

42. все знаки условны, но так же реальны, как их предметы и понятия.

43. мир объездных маршрутов и бега напролом.

44. если ты будешь только собой, он с тобой не пойдёт, а если только им, то никуда не сможешь его привести.

45. когда ты можешь предложить ему только свой мир, но обязан предоставить хоть какой-то выбор.
46. одна нога здесь, другая **там**.
47. ты принимаешь его таким, какой он есть, и не довольствуешься этим.
48. то, что вы хотели узнать о жизни, но боялись спросить.
49. место, куда стараются не заглядывать.
50. не обращает внимания на отсутствие, ставит на наличие.
51. никогда не говори, что она – единственный выход.
52. «.. не гордится, не бесчинствует... не раздражается, не мыслит зла... никогда не перестаёт»⁸.
53. готова ко всему.
54. не имеет сослагательного наклонения.

* * *

Дорогой Лёва!

В детском саду музыкантша спрашивала детей после неаполитанской песенки: какая она? Весёлая... ещё какая?

– Задумчивая, – сказала Габи.

– Это тебе стоит задуматься, – сказала музыкантша. Габи думала.

Неаполитанская песенка не радостная и не грустная. В ней

⁸ Ср. Первое послание к Коринфянам ап. Павла, глава 13, стихи 4–8.

этого нет.

У воды нет вкуса. Вода утоляет жажду. Что чувствуешь, когда пьёшь воду?

Вода и неаполитанская песенка – это любовь.

* * *

Дорогой Лёва!

Интересно, что как раз умственно отсталые никогда не казались мне глупыми.

Глупым может быть только человек с нормальным интеллектом.

Как бы это объяснить?

* * *

Дорогой Лёва!

Я ведь ничего не умею. Не знаю, как дать больному ребёнку таблетку, если он её выплёвывает. В конце концов, какую таблетку? Не разбираюсь я в них.

Не знаю, как делать массаж, как быстрее укладывать спать.

Даже правильно открывать влажные салфетки – и то не умею.

Я работаю с детьми, вроде бы, почти специалист. И я не

знаю элементарных вещей, которые знает любая мама без всякого образования.

* * *

Дорогой Лёва!

Егор встречает меня с таким выражением лица, что не дай Бог.

Этот ребёнок в последнее время делает успехи – даже бабушка заметила, – но заниматься всё равно не любит. Два раза в неделю – это совсем мало. Нужно каждый день. Ежедневно и понемногу открывать для него окружающий мир.

– Он же чувствует, когда в комнате становится теплее? Покажите ему печку дайте почувствовать, что она источник тепла. Я понимаю, что вам тяжело его переносить с места на место.

– Он же знает, зачем нужна ложка? Показывайте ему разные ложки. Дайте потрогать чашку, тарелку. Я знаю, как это трудно, – ведь он может одну ложку каши держать во рту два часа. Но всё-таки.

– Показывайте ему на прогулке деревья – чтобы он потрогал ствол, ветки, листья. Я понимаю, что очень тяжело каждый день тащить коляску по отвратительной дороге.

– Он знает, что такое залив? Да, вам уже не под силу перетаскивать Егора через переезд.

– Пусть он сам пробует натянуть штаны, снять кепку. Да

уж, переодевать его два раза в день и без этого утомительно.
Егор не ходит в школу.

* * *

Дорогой Лёва!

Старшему – семь. Младшему – пять.

Они абсолютно разные.

Старший – тёмный. На самом деле он светлый шатен, но сейчас я не вижу его и представляю только тёмные волосы. Глаза у старшего карие, широко открытые – лихорадочные глаза.

Младший – светлый. Глаза зелёные.

Старший похож на небольшое цунами или маленький Везувий. Он направлен наружу, в мир. Все бушующие в нем страсти он тотчас выплёскивает на вас. У старшего подвижное лицо – особенно удаётся ему выражение изумления и страдания.

Младший похож на ровную поверхность Лох-Несса. Старший смотрит прямо на вас – пристально и требовательно. Подходит вплотную и перебирает пальцами у вашего лица. Иногда он так заморожен этим змееобразным движением, что забывает о собеседнике. Подпрыгивает, щурится и тяжело дышит.

У младшего ускользающий взгляд. Он смотрит на вас, только если вы не обращаете на него внимания. Иногда он

наблюдает из-под прикрытых век. Но чаще смотрит прямо, сквозь. Однако отлично схватывает мир боковым зрением.

Старшему тесно в пространстве. Такое чувство, будто он хочет сбросить его с себя. Он налетает на стулья. Падает вместе со скамейкой. Стоит на цыпочках и, прищурившись, тревожно вглядывается в мир. Может вывалиться из окна первого этажа вместе с оторванной занавеской.

Младший с пространством играет. Он виртуозно проскользывает, просачивается и огибает. Он вызывает в моей памяти сказку о девочке, которая умеет ходить между струями дождя и остаётся сухой. Иногда вы видите, как он стоит на верхней ступеньке деревянной лестницы, ведущей на крышу. Смотрит прямо и легонько покачивается на носках. Вы бросаетесь к лестнице, чтобы помочь ему спуститься, а он равнодушно наблюдает, как вы лихорадочно пытаетесь засунуть его под мышку.

Старший ищет общения с вами. Он порывисто обхватывает вашу шею руками или с размаху плюхается на колени – иногда вы от неожиданности теряете равновесие и падаете вместе с ним. Усевшись на вас, он наблюдает за движениями своих пальцев.

Если ваше общество надоедает старшему, он с неожиданной силой рвётся из рук.

Младший делает вид, что не замечает вас, особенно если вы хотите привлечь его внимание. Обычно он вступает в контакт в трёх случаях: если его заинтересует то, что вы делаете

или держите в руках; если при помощи вас можно залезть **на высоту**; и если вы **мешаете ему жить** – отнимаете, тащите, навязываете. Но младший может посидеть у вас на коленях, особенно если вы будете слегка раскачиваться. Вы почти не почувствуете его веса. Он может заснуть, прислонившись к вам. Если вы не будете специально этого добиваться.

Старший говорит. Его любимое слово – нет. Он бурно дышит – так, что весь наполняется воздухом, и произносит на выдохе:

– нет... нет... нет....

Он весь – обида, отчаянье и страстная решимость – вытянут в струну, брови сдвинуты, углы рта опущены, ноздри раздуваются. Иногда старший произносит фразы. Например:

– Сумочка не унитаз.

Младший молчит. У него спокойное и сосредоточенное лицо – временами оно даже кажется безмятежным. Иногда младший поёт без слов, чётко выдерживая ритм.

Старший играет своим телом.

Младший любит всё длинное: палочки, ложки, зубные щётки. Они годятся для того, чтобы выстукивать ритмы.

Старший бунтует открыто. Он громко и настойчиво плачет. Быстро успокаивается, когда рядом никого нет. Старший во гневе шумен, прям и последователен. «Дай – успокоюсь». Его гнев направлен на вас, это способ связи.

Младший плачет потому, что ему плохо. Потому что мир вдруг отказывается послушно течь. Его слёзы – не бунт и не

способ добиться своего, они нужны, чтобы заглушить боль. Младший во гневе страшен. Не дай вам Бог оказаться на его пути. Ему всё нипочём. Он исступлённо кусается, стучит ногами и сбрасывает на пол всё, что попадётся под руку. Дом выглядит как после Хрустальной ночи⁹.

Успокаивается долго и тяжело.

Старший уносит из дома только понятные вещи: например сгущёнку. Ясно, зачем она нужна. Он захватывает её, используя прямой напор. Подходит к полке и говорит сквозь вдохи:

– Сгущёнка... сгущенка... сгущёнка.

Он хватается банку у всех на глазах, ясно давая вам понять: мне нужна сгущёнка – дай. Вы отнимаете её, он рыдает, но быстро утешается. Значит, не судьба. Вы – не дали – ему – банку. Он потерпел поражение в борьбе с вами. Вы сильнее. Старший это понимает.

Младший может и унести, и принести. Появляется на кухне с чайной ложечкой или кочаном капусты, прижатым к груди.

Уносит все ножницы. Ловко берёт острый нож, чтобы постучать им по столу. Он проскальзывает мимо, и вы не замечаете пропажи. Вы можете случайно увидеть его на улице с вашей последней открывашкой. Младший не пробует убежать от вас. Вы для него не существуете. Существует толь-

⁹ Ночь с 9 на 10 ноября 1938 г., во время которой по всей Германии прошли еврейские погромы, положившие начало Холокосту.

ко нужная прекрасная вещь. В их диалоге вам нет места. Не вмешивайтесь.

Старший врывается к вам, как буря. Он пронесится мимо вас и исчезает в комнате. Вы идёте следом и обнаруживаете его на вашей кровати под одеялом.

– Слезай, – говорите вы. – Это моя.

– ...нет... нет... – говорит старший и тянет на себя одеяло. После недолгой борьбы старший водворяется на кухню. Если вы долго не видите младшего, скорее всего, он уже в комнате. Тут всё зависит от его настроения. Совет: не лезьте под горячую руку

Старший больше похож на собаку. Будьте дружелюбны, тверды, последовательны, терпеливы. Попадите в настроение.

Младший – на кошку. Будьте тактичны, неторопливы, наблюдательны. Попадите в ритм.

Нет смысла выбирать между миром старшего и миром младшего. Подозреваю, что это один и тот же мир.

В мире вообще много всего.

* * *

Дорогой Лёва!

Я отыскала стихотворение Пастернака, которое мы никак не могли найти в тот последний день в Риге.

Мы ехали в автобусе на Онегу. Ночью я очень замёрзла,

шёл дождь, а на рассвете стало ещё холоднее, но тучи разошлись, и небо было ослепительное. В районе Медвежьегорска, когда Гриша устал щипать меня за руку и заснул, положив голову мне на колени, я открыла книгу в случайном месте и нашла. Стихотворение называется «Август».

Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафранового
От занавеси до дивана.

Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома посёлка,
Мою постель, подушку мокрую,
И край стены за книжной полкой.

Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.
Мне снилось, что ко мне на проводы
Шли по лесу вы друг за дружкой.

Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по старому,
Преображение Господне.



Дорогой Лёва!

Девятилетний Никита (здоровый) сказал сегодня о семилетнем Антоне (аутисте):

– Ну так приятно теперь смотреть на него! Знаешь, когда ребёнку радостно, то и тебе радостно!

Никита любит рассказывать про Антона:

– В первый день похода Антон ничего не ел: ни супа, ни каши. И не говорил ничего. На второй день – тоже. Весь третий день проспал в палатке. А на четвёртый проснулся рано-рано и три раза повторил: я хочу кушать, я хочу кушать, я хочу кушать. Маша ему говорит: Антон, сейчас ещё рано, кушать будем позже. А он: кушать позже, кушать позже. И заснул. И с тех пор всё ест: и суп, и кашу. И всё говорит.

Мы с Никитой решили, что Антоново вечное пение «э-э-э... тататата...» – это Великая Песнь Мира.

– Когда он перестанет петь Великую Песнь Мира, мир кончится.

– О великий наш брат, – говорил Никита, – спой нам ещё Великую Песнь!

Никита слушал Настины длинные речи, в которых я понимала только «Дамбо»¹⁰, «папа» и «поедем».

¹⁰ «Слонёнок Дамбо» – мультфильм Уолта Диснея по книге Хелен Эберсон и Гарольда Перла о маленьком цирковом слонёнке, прозванном за свои непомерно

– Это она рассказывает, как они с папой поехали на поезде и вошёл продавец мороженого, потом они вышли и пошли на дачу, там она смотрела мультики про Дамбо...

А дальше я не понял.

* * *

Дорогой Лёва!

Захожу, а Шурка сидит и решает примеры.

Очень оригинально: предлагает правильный ответ, потом, видимо, сомневается в собственной компетентности и начинает выдавать варианты «от балды».

Над ним стоит мама – не хотела б я ей попасть под горячую руку – и смотрит на Шуру убийственно.

Шура бросает в неё дактильным¹¹ неправильным ответом – «два!» и плачет крупными слезами.

Дорогой Лёва!

большие уши Дамбо – глупым. Окружающие смеялись над ним, но нашёлся весёлый мышонок Тимоти, который стал ему настоящим другом, помог поверить в себя и неожиданно открыть удивительный талант – умение летать с помощью своих гигантских ушей. Так молчаливый и неуклюжий слонёнок превратился в величайшую звезду цирка.

¹¹ Дактилология (от греч. *daktylos* – палец, *logos* – слово), дактильная речь, ручная азбука, создана монахами, давшими обет молчания. Используется в сурдопедагогике как вспомогательное речевое средство при обучении глухих словесной речи, а также в общении глухих между собой или со слышащими.

Наше утро начинается с пения.

Сначала сверху слышится мелодичный скрип:

– ЭЭЭЭЭ... Э-Э-Э, ЭЭ-Э-Э!

Потом мычание. Потом оно переходит во что-то, напоминающее тувинское горловое пение. Когда со словами, когда без слов. Обычно так:

– У-У... УУ-У-У! Ы-Ы-Ы-Ы!

Это песня из трёх нот. Не вполне проснувшись, я вскакиваю и задираю голову. Антон сидит на кровати в невозмутимой позе йога и смотрит чуть левее меня глазами цвета светлого асфальта.

– Антон! – умоляю я, – тише! Дай поспать!

На некоторое время наверху воцаряется тишина. Но стоит мне с облегчением закрыть глаза, как сверху раздаётся шепот:

– ээ-ээ-э-э... ЭЭ-Э-Э...

Звук постепенно нарастает.

Справа от меня заскрипели пружины. Второй Антон садится на кровати.

– Ксю. Ксю. Ксю. т. т. Ксю.

Ощущение такое, будто капли падают в таз с водой.

– Я хочу... Я хочу...

– Что ты хочешь?

– Кссс-а! Ксю. Ксю. Я... хочу! – говорит он, сверкая итальянскими глазами.

Мы слушаем дуэт:

– Ээ-э-э! Ээ-э-э!

– т. ксю. ксю. ксю. ксс-аа! Слева доносится:

– Я поеду домой в город Выборга!

– Аня, лежи, рано!

– Не рано. – Голос постепенно переходит в плач. – А домой к маме Кате и папе Юре!

– Аня, ещё рано!

– Мама Катя тебя ждёт! – Хнычет Аня. – Я хочу Анечкино день рождения! Хочу подарит Анечкино подарки! Где моя добрая папа Юрочка?

– Аня, посмотри: все спят!

– (эээ...ээ... ксю. ксю. ксю.)

– Не спят! А одеваться!

– Света, – трогательным тоном просит Анечка, – я хочу в Москва к дедушка Ленин.

– Аня, где твои колготки?

– А где моя дедушка Ленин?! – (нащупав под подушкой «Русский язык» 1985 года издания) – А вот она Ленин!

Хор:

– Ээ-э-э! Ээ-э! Ксю. Ксю. Ксс-са. Ксю. Я хочу домой, город Выборга!

На чердаке волонтер Алишер пробует тростниковую флейту. Легко дует в неё:

– ууу... ууу...

– ээ-э-э! ээ-э-э!

– ксю. ксю. ксю.

– хочу город Выборга...

– ууу... ууу...

Мы всё-таки встаём (деваться окончательно некуда) и отправляемся варить кашу для оркестрантов.

Проходя мимо двери, я замечаю, что Настя успела одеться и сидит на застеленной кровати. Она провожает меня медленным взглядом черепахи Тортиллы.

– Настя! – говорит Света. – Что надо сказать?

– Доб-ро-е ут-ро!

* * *

По воскресеньям, уложив детей,
ключ повернув на четверть оборота,
мы шли среди развешенных сетей
на берег, где зелёные ворота
заканчивались. Дальше мы не шли.
Смотрели на окрестности земли.

Мы заставляли час, когда вода
озёрная становится отвесной,
и можно перепутать без труда
рыбачьи острова и Град Небесный.
Шуршанье днища и уключин скрип,
горит на мачте призрачный светильник,
и ожерелье из сушёных рыб

висит на перевёрнутой коптильне.

Сквозь темноту просвечивали брёвна,
обкатанные озером. Внутри
спокойно спали, там дышали ровно
и ёжились в предчувствии зари.

На кромке озера, на одеяле мха
послушай, как Вселенная тиха:
то рост луны,
и мерный треск цикады, и ровное дыхание стиха.

* * *

Дорогой Лёва!

Сегодня пятнадцатое сентября, а каждое пятнадцатое
число у нас в Фонде собрание.

Начинается всё с того, что я прихожу (потому что это со-
брание моими глазами).

Код двора, дверь Фонда, звенит колокольчик, хлопает
дверь.

В полупустой пока администрации накурено и сыро. Али-
на поедает паданцы, горкой лежащие на кофейном столике.
Я заглядываю в соседнюю комнату и здороваюсь со спиной
В.П., главного и единственного бухгалтера. Он не слышит.

Ладно, возвращаюсь и сажусь на продавленное сиденье.

Не оглядываясь, входит И.Б. – быстрая, маленькая, с нахмуренным лбом и сигаретой в зубах.

– Здравствуйте, И.Б.

– Здравсьте, – бормочет, полуобернувшись, И.Б.

– Вова! – кричит она в соседнюю комнату, – он говорит, что можно!

– А кстати говоря, если получится то, что я задумал, – рассуждает Ж.Ж. откуда-то из коридора, – мы сможем получить двадцать – двадцать! – тысяч зеленью. Ми-ни-мум! Тот олигарх, с которым я вчера говорил, сам сказал...

– Ну-у-у, Женя. Это нам вообще не подходит! – говорит И.Б., нажимая на слово «вообще». – И почему ты вечно пьешь со всякими алкоголиками?

– Ира, ты несправедлива. Я пять ночей составлял обращение для Матвиенки. Спал пятнадцать минут. Это давний проект... Мы свободно можем рассчитывать... Десять тыщ поощрительных для каждого сотрудника. Долларов, конечно, не рублей. – Красивым жестом нищего миллионера достает пачку сигарет и закуривает.

И.Б. мечется по комнате. Хлопает дверь, входит Катя с неизменным рюкзаком и выражением лица:

– Мама, – начинает она, повернувшись к И.Б., – оставьте мне пятницу для индивидуальных. И у меня нету денег на автобус.

Через полчаса в крошечное помещение набивается пятнадцать человек, Катя вооружается блокнотом и карандашом –

так начинается кровопролитное действо: надо разодрать рабочую неделю на пятнадцать частей и рассовать всех по двум маленьким комнатам.

Вокруг Кати и блокнота собирается толпа, причем каждый старается заполучить первую половину буднего дня.

– Я не могу ездить из Зеленогорска из-за двух часов!

– Я же езжу со Ржевки ради часа!

– У меня получается трехчасовой перерыв между занятиями!

– Кто ко мне поедет в десять утра в воскресенье?

– Нужно же куда-то запихнуть Данилу!

– В понедельник работает шесть человек. Распихайте их равномерно по вторнику.

– Я не могу во вторник.

– Алесья, три музыкотерапии в неделю – это слишком. Не остается времени на логопеда.

– Пожалуйста, могу вообще не работать.

– Саша Макарова! Ты можешь передвинуть свое индивидуальное на полчаса назад?

– Как вы себе представляете физкультуру в маленькой комнате?

– Так же, как обучение в **игровом** зале.

– Я тебя записываю на пятницу Со скольких до скольких?

– Всё равно. Когда хочешь.

– Кто заниматься будет? Ты. Сама решай.

И так далее. В конце концов ажиотаж спадает: кое-как, но

время и место разделили.

– Было бы у нас Помещение!

Помещение – волшебное слово и произносится почти-тельно, с большой буквы. Помещение у нас – как Москва у трех сестер. Все упирается в Помещение, откуда ни начни.

Если будет Помещение, нам не придется тесниться в двух комнатах полуподвальной квартирки. Мы развернемся! С какой скоростью аутисты будут вылечиваться, когда мы получим Помещение!

«Когда мы будем жить просторней, мы купим себе оленя. Он будет жить в ванной».

– У нее есть двухкомнатная квартира.

– Да там же жилец.

– Выгнать. Окупится.

– Не окупится.

– Но если зарабатывать в месяц пятнадцать тыщ. Мини-мум.

– Вообще-то да. Половину им, половину нам, кому какое дело.

Такие планы обсуждаются с блеском в глазах, бешеной жестикуляцией, криком, возгласами ужаса и радости. Двадцать тысяч! Триста тысяч! – Мы напоминаем нищих аферистов в Америке 20-х годов.

– Если каждый даст хотя бы по пятьдесят долларов... – доказывает И.Б., – ведь сколько мамашек каждый день тусуется на американских аутичных форумах? Если каждая дей-

дет до углового банка...

– Да ну, кому это нужно?

– Подумай: тысячи матерей, и хотя бы каждая пятая даст хотя бы пятьдесят. Напечатать обращение, разбросать по всему мировому Интернету По-английски, немецки, французски...

– И тогда, – заканчивает она, откинувшись на спинку дряхлого стула, – у нас всё будет лучше, чем у всех.

* * *

Дорогой Лёва!

Саша заболел. А в прошлый раз мы очень хорошо с ним поговорили.

– Саша, иди поговори с Машей.

– Нет, вы лучше тут пока... побеседуйте.

– Ну в самом деле, поговоришь часик, а потом пойдёшь домой.

– А ты мне дашь чем-нибудь угоститься?

– Нету у меня угоститься. Просто так давай поговорим.

Бабах!

– Я подожду, пока ты успокоишься. Всё, слезай со стола.

Нет, не надо стулья ломать. Хватит, всё. Сядь.

– Все любимые слова сказал?

– Так нельзя говорить?

– Да нет, можно, только зачем?

– Я буду себя вести, как хочу.

– Я тоже. Сними ноги со стола.

– Я психую. Нельзя психовать?

– Можно.

– Нет, не надо психовать. Успокойте меня. Вот так.

– Давай, успокой себя сам. Разложи картинки.

– Я вам буду подавать по одной.

– Ладно, давай по одной. Поставь крышку стола на место.

Глянь, что тут нарисовано?

– Подождите... подождите... Долго подождите.

– Что же тут нарисовано, а?

– Возьмите у меня картинку. Вытяните, чтоб я почувствовал.

– Ты сначала скажи, а потом я вытяну.

– Это мужчина.

– Да, мужчина, а кто он? Кем работает?

– Работником.

– Ну ладно, где работает?

– На работе. Это я пошутил. Смешно?

– Не очень. Ты смешнее иногда шутишь.

– Пересмотрите меня. Я вас пересмотрю.

– А это что у женщины в руке?

– Подождите... Подождите... Долго подождите. Я себя буду вести как хочу.

– Так что в руке-то?

– Я пылинку с вас сниму.

– Спасибо, Саш. Зачем ему гаечный ключ?

– Для безопасности.

(Это универсальный ответ. Их три:

– работником (на вопрос: кем работает?)

– беда (на вопрос: что случится, если?...)

– для безопасности (навопрос: зачем?...)

– Можно мять картинку?

– Нежелательно... Вынь закладку.

– Можно я её с собой возьму?

– Можно, она мне не нужна.

– В пакет положу.

– Как ты их вообще поднимаешь, твои пакеты? Они же

везят...

– Пошутите со мной! – Как?

– Вот так. Смешно я лицо сделал?

– Ага. Всё, вперёд.

– Тру-ба зо-вёт. Да? (Зевает. Крестит рот)

– Смотри. Ну?

– (С воодушевлением) Это самолёт, на него можно сесть

и улететь куда глаза глядят. (Подумал.) В далёкие края...

* * *

Лёва, представляешь, подслушала сегодня в коридоре:

– Ты любишь математику?

– Если я её не люблю, то она хорошая. А если я её люблю, значит, она плохая.

А ещё сегодня на занятие Женя принесет две коробочки, туго обмотанные бумажным скотчем. «Это, – говорит, – чтобы дождь не замочил». – «А как же ты откроешь теперь?» – «А я никогда не открою». – «А если захочешь открыть?» – «А я никогда не захочу».

Ну давай, говорю, твои коробочки поставим вот на этот стул, а сами заниматься будем.

Садится заниматься. Через некоторое время поворачивает голову: «А в коробочках начался пожар!»

* * *

Дорогой Лёва!

Честно говоря, во время первых десяти-одиннадцати месяцев занятий с Егором было ощущение, будто стучишься головой в запертую дверь.

Никто, вообще-то, ни в какие результаты не верил. А лёд тронулся. Сейчас это совершенно очевидно. Егор начинает исследовать мир. Берёт предметы. Реагирует на звуки. Протягивает руку, когда слышит музыкальные инструменты, пытается их схватить. И у него получается.

Егор теперь живёт на даче в Солнечном. Я приношу ему одуванчики, кленовые листья и маленькие лопухи. Прошу

мать Егора показать ему, как всё это растёт на земле. Нельзя дожить до восьми лет и ничего не знать об одуванчиках.

Круглая печь земли до конца прогрета.
Поле в тумане,
Кажется, что в снегу.
Тронулся поезд, единственный остров света.
Жёлтые окна поплыли за ним во Мгу

Лопнула ночь, и двенадцать её горошин
Светятся огоньками по берегам.
К дому ведёт дорожка, а дом заброшен.
Твёрдые яблоки падают в такт шагам.

Звуки уходят в заросли черноплодки,
Тёмные ягоды до сентября горьки.
Сохнут укрытые на ночь рыбацьи лодки
Как полумесяцы на берегу реки.

Небо квадратное, словно со дна колодца.
Всё садоводство в белой резной пылице.
Дом заколочен наглухо. «Продаётся»
Мелом написано на крыльце.

* * *

Дорогой Лёва!

Я тут написала статью о том, как я начинала работать с аутистами. Получилось немного длинно, но зато честно. Скоро три года исполнится, как я пришла в Фонд.

О том, чего я не знаю

1. Прийти

Из ЖЖ:

«Денег не платят, но это очень интересно и полезно – главное, что любой новый человек, ищущий лазейку в их мир, кажется, важен для этих детей... В общем, это возможность научиться новому, и вдобавок кому-то помочь, ну хоть чуть-чуть». К.

В начале марта 2004 года мне позвонил знакомый и говорит:

– Не хочешь посмотреть на детей-аутистов?

– А зачем? – спрашиваю.

– Ну, как... Узнаешь, кто такие аутисты и как выглядят те, кто с ними работает, – и рассказал мне про объявление:

Требуются:

психолог, врач, логопед, педагог, работники творческих специальностей (возможно студенты) для работы с аутичными детьми.

Условия:

Волонтерская работа сроком до двух месяцев. В дальней-

шем возможно трудоустройство. Летом выезд в интегративный лагерь на берегу Онежского озера.

Контактное лицо: Ирина Борисовна

Я тогда училась на втором курсе дефектологического факультета. Работать с детьми мне почти не приходилось, и я испытывала потребность в любой практике. Гадала, смогу ли я работать по специальности? Может быть, я ошиблась в выборе? Нужно поскорее это выяснить, пока ещё не поздно сбежать.

И вот тут такая возможность. Надо воспользоваться. В конце концов, почему не аутисты?

Я позвонила Ирине Борисовне.

– Здравствуйте. Я учусь на втором курсе факультета коррекционной педагогики. Видела ваше объявление. Можно мне прийти?

– Приходите.

Я пришла.

2. Начать

Нельзя сказать, что я тогда совсем ничего не знала об аутизме. Время от времени о нём упоминали в лекциях. В детстве я любила читать американские «книжки для родителей» – по семейной психологии, где автор нет-нет да затрагивал тему аутизма. Но всё это было случайно и вскользь. Иными словами, я слышала звон, но не знала, где он. Пред-

ставляла, что аутисты сидят в углу спиной ко всем и каменно молчат. И больше ничего.

«Ну ладно, – думала я, – на месте всё объяснят».

Но вместо того, чтобы объяснять, меня отправили смотреть занятие.

Это занятие было как сон.

Я вошла в игровой зал следом за психологом и села на стул в углу. Оттуда было хорошо видно и слышно всё, что происходило в комнате.

Первое, что меня поразило, – тишина. В комнате нас было пятеро: трое детей лет пяти-семи, психолог и я. И при этом было очень тихо. Дети двигались по залу и что-то делали, но я не понимала, что. На мой тогдашний взгляд, в их действиях не было никакого смысла: они бесцельно бродили по комнате, брали какие-то игрушки, крутили в руках, бросали. Садились на качели и неподвижно сидели, не пробуя качаться. Подходили ко мне, но, казалось, не замечали. Время от времени они произносили какие-то слова (или слоги? или звуки?), которых я тоже не понимала.

«Как на космическом корабле», – подумала я.

Действия психолога были ещё загадочнее.

Что конкретно входит в его обязанности?

Почему психолог подолгу наблюдает за тем, как ребёнок вращает перед глазами красную телефонную трубку, и не вмешивается?

А сейчас почему вмешался?

По какому плану или программе он работает? Какова цель занятия? Задачи?

Нам в нашем педагогическом без конца внушают, что у всего есть чёткая цель, задачи и план.

Здесь я этого не вижу.

Единственное, что я поняла: и психолог, и дети находятся в неизвестном мне мире. Этот мир существует по своим правилам; в нём иные закономерности, другая логика. Я вижу только внешнюю сторону процесса. Суть от меня спрятана, поэтому я ничего не понимаю. Всё происходящее в комнате кажется мне диким – как пришельцу с другой планеты.

Как только я почувствовала себя пришельцем, сразу стало уютно. Что я здесь делаю?

И чтобы хоть как-то оправдать своё пребывание в комнате, я подошла к качелям, на которых сидел ребёнок, и стала их качать.

3. Делать

Диалог с психологом:

– Мне казалось, что наша задача – заставить их сделать что-то конкретное. Например, сложить башню из кубиков.

– Конечно, нам так легче.

– Твоя ошибка в том, что это не ребёнок делает, а ты. Ты делаешь через него...

Когда я начала качать ребёнка на качелях, я сразу почув-

ствовала себя увереннее.

Моё место в процессе определено. Я делаю. Я ведь пришла сюда для того, чтобы что-то делать, разве нет?

Это меня воодушевило, и на следующих занятиях я только и делала, что делала.

Я считала, что если я покатала ребёнка на качелях, дала ему в руки куклу или его руками сложила пирамидку, я оправдала своё присутствие в игровом зале. А если я просто стояла в стороне и наблюдала, время потрачено зря. Всё это усугублялось страхом сделать что-то неправильно. Но когда я ничего не делала, страх усиливался в несколько раз.

Конечно, делать было проще, чем чувствовать. Я не пыталась понять ребёнка, а заставляла его. Как для аутиста первой группы человек может служить каруселью и подставкой для лазанья, так для меня аутичный ребёнок был инструментом действия.

Негативизм этого ребёнка (который не мог не усилиться в процессе такого взаимодействия) и его сопротивление были мне только на руку: от борьбы я уставала, а усталость доказывает, что ты что-то делал.

Таким образом, у меня совсем не оставалось времени наблюдать, приглядываться и анализировать. Время проходило в лихорадочном поиске «дел» и в страхе ошибиться.

Представьте себе человека, который попал на другую планету и сразу оказался в оживлённом месте. Он видит тамошних жителей, которые выполняют непонятную для него ра-

боту и говорят на неизвестном языке.

Существует две тактики: первая – выжидательная. Ты не включаешься в незнакомую деятельность, пока не поймёшь её смысла. Когда поймёшь – включишься в работу полноценно.

Вторая – найти более-менее простую и понятную операцию и сразу же начать её выполнять, не вникая в цель и суть работы.

Для первой тактики мне не хватало ни терпения, ни уверенности.

4. Не делать

Одна мама:

– Мы с ребёнком сидим и ничего не делаем. Думаете, это просто?

Чем дольше я «делала», тем меньше эта «деятельность» меня удовлетворяла.

Я начала понимать, что прохожу мимо главного, что моя работа механична.

Теперь, даже если я находила себе «дело», страх не отпускал.

Я чувствовала, что ошибаюсь. До сих пор я скользила по поверхности, теперь потянуло вглубь. Но я не спешила идти вглубь, потому что боялась ошибок и знала, что чем глубже опускаешься, тем больше неразрешимых задач.

Но оставаться на поверхности было ещё тяжелее.

Тот уровень взаимодействия с детьми, который я уже освоила, перестал меня устраивать, а строить взаимодействие на другом уровне я не умела. Оказавшись в середине такого противоречия, я сделала всё, что могла: впала в ступор.

Я входила в игровую комнату и по привычке использовала проверенное средство против дискомфорта: «деятельность».

Например, начинала качать ребёнка на качелях. Дискомфорт усиливался. Я бросала одно «дело» и шла искать другое. В конце концов моё поведение на занятии превращалось в «полевое»¹².

Тогда я не замечала разницы между моим бездействием и кажущимся бездействием психолога.

«При достаточном осознании и опыте работы можно говорить о создании такого терапевтического альянса, когда появляется бытие с клиентом. Состояние бытия связано с созданием кажущейся неактивности. Если терапевт активен, то он ведет ребёнка за собой, не давая ему свободы, но это должно, как минимум, совпадать с его готовностью следовать».¹³

До готовности к созданию «такого терапевтического аль-

¹² Полевое поведение характеризуется тем, что человек попадает во власть «поля» притягивающего его объекта и не может встать над этим «полем».

¹³ И.В. Карвасарская. «В стороне. Из опыта работы с аутичными детьми». Книгу можно прочитать здесь: <http://bit.ly/vstorone>.

янса, когда...» мне было очень далеко. Моё бездействие просто было оборотной стороной моих «действий».

5. Видеть и слышать

Как было сказано выше, я оказалась в безвыходном положении. А чем положение безвыходнее, тем ближе оно к разрешению. Сама того не замечая, я начала переходить на следующий уровень под названием «видеть и слышать».

Чтобы увидеть и услышать аутичных детей, этих жителей «другого мира», мне пришлось войти в этот «другой мир» и действовать на свой страх и риск.

Мне предстояло сделать важнейший шаг: попробовать заговорить с аутичными детьми на их языке.

Для этого нужно было только одно: смотреть, слушать, запоминать и подражать.

Подражать их стереотипным движениям, странной вокализации, ходить за ними по комнате, копировать выражение лиц, играть в их непонятные игры.

Следовать за ними. Побывать ведомой.

Такое взаимодействие тоже сложно назвать полноценным, но на тот момент это было для меня неважно. Мне хотелось заглянуть в мир ребёнка-аутиста, ощутить себя им. И не просто хотелось – это было необходимо. Общение на моей волне не получалось. Значит, нужно настроить себя на другую волну.

Так я увидела неизвестный мир во всей его красоте и стра-

хе. Поняла, как можно часами наблюдать за бликами света на боках кубиков. Узнала, что такое панический страх перед хлопаньем двери.

Самое странное, что я знала это и раньше.

Попасть в мир «другой стороны» (аутичного ребёнка) – важное условие для налаживания отношений.

Важное, но недостаточное.

Чтобы общение стало действительно ценным и для меня, и для аутиста, я должна одновременно находиться в двух мирах – аутичном и обычном. Если я буду только в обычном мире, то не смогу понять ребёнка, и он откажется со мной взаимодействовать.

А если застряну в аутичном мире, то не смогу проводить ребёнка в обычный мир.

Отлично, я поняла, чего я хочу достичь.

Вопрос – как?

б. Чувствовать и реагировать

Кажется, я подошла к самому сложному.

Мне кажется, что работа с аутичными детьми – это искусство чувствовать и реагировать.

Очень тонко чувствовать и очень гибко реагировать. Причём чувствовать с опережением, иначе отреагировать можно и не успеть.

Суть этого процесса – как я его понимаю – в том, чтобы улавливать и расшифровывать сигналы, которые посыла-

ет вам ребёнок из своего аутичного мира и посылать в ответ сигналы из мира обычного.

Форма сигнала может быть какая угодно, например словесная. Или поведенческая. Любая. Это похоже на игру в настольный теннис, когда вы играете с новичком. Вы пытаетесь во что бы то ни стало отбить его подачи, слишком слабые или в сетку. И сделать это несильно, чтобы партнёр, в свою очередь, смог отбить ваши.

Для того чтобы игра состоялась, вам нужно:

1. хорошо играть в настольный теннис;
2. уметь войти в положение партнёра, понять его трудности;
3. хотеть играть.

Это возможно, только если вы научились находиться в двух мирах одновременно и ещё немножко над.

Именно на этом уровне возможен «такой терапевтический альянс, когда появляется «бытие с клиентом» и поле «мы».

Мне сложно писать про эту ступень взаимодействия, потому что я сама её ещё не достигла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.